

Р12 81082

α

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

В. А. Куликов.

**ИМ ЗДЕСЬ
НЕ БЫТЬ**

ИЗДАНИЕ ОСИПОВИЧСКИХ ПАРТИЗАН
Октябрь 1943 года.

XXV-летию
Ленинско-Сталинского комсомола
п о с в я щ а ю

Кто каждый день, гранату взяв,
Идет в атаку, смерть презрев,
Или окоп врага заняв
Вновь в бой зовет подымля гнев,
Кто каждый час ведет борьбу,
Сражаясь храбро за свободу,
Решает двух миров судьбу,
Служа отчизне и народу,
Кто не жалея сил своих
Погиб на поле славы ратной
И стал бессмертен для других,
Руси героем необъятной,
Лишь только тот, кто смертным боем
Не устает врага крушить,
Лишь только тот, лишь он достоин
Свободы, чести, счастья жить!

Май 1943г.

ИМ ЗДЕСЬ НЕ БЫТЬ!

Облачко легкой песчаной пыли еще долго держалось в безветренном августовском полуденном воздухе, медленно оседая на траву, уже пожелтевшую за лето от жгучих лучей солнца и на след велосипедной шины только что проскочивших колес. Тихое голубое небо было прекрасно, но уже скоро оно должно было стать хмурьм, дождливым, скучным, принеся вместе с туманными гетрами невеселые мысли холодной осени. Пара белых мотыльков кружилась в воздухе, нагоняя друг друга и перелетая с одного края дороги на другой. Они казались настолько странными среди отживающей летней природы, что хотелось поймать и спросить их: „Сткуда вы, весна уже давно отцвела, а вы все еще живы?“

Седло приятно пружинило на неровностях утопанной узенькой тропки, тянувшейся обочиной шляха, каждый раз отмечая их легким покачиванием седока. Нина еще два раза нажала на педали, поправив рукой выбившуюся на лоб прядь волос, а потом, не обертываясь, скосила немного назад глаза и, легко вздохнув, поехала дальше. Она весело улыбалась. Немец-постовой пропустил ее. Впереди была свободная ровная дорога. Дальше бояться нечего.

„Скорей, скорей... туда, к ним, пока ничего не заметили. Конечно нет, они не догадаются об этом... А лодко же я их обделаала...“—носились в голове мысли, торопившие ее ехать быстрее.

Раскрасневшиеся от жары щеки девушки горели огнем. Невысокого роста, но плотная, с прямыми чертами лица, она была довольно красива. Уверенность в движении подчеркивала, что все решено твердо, и иначе быть не может.

В местечке Г. стоял немецкий карательный отряд. Немцы пришли ночью, но никто не видел точно когда, и, лишь только проснувшись утром, жители узнали, что улицы полны эсэсовцами, и бежать уже поздно. Их было много. Прошло даже несколько дней, а население не знало, что они пришли для борьбы с партизанами.

Нелегко удалось Нине узнать это, и она спешила скорее в лес предупредить друзей об опасности. Отряд стоял совсем рядом. Надо было срочно сниматься и уходить, немцы хотели кольцом окружить весь лес.

Меженная давно держала связь с партизанами и помогала им. Но разве офицер-немец, что стоял на квартире у Нины, с которым она гуляла, чтобы достать у него необходимые сведения, мог когда-нибудь подумать об этой веселой, казалось простой и беззаботной хохотушке, что она ненавидит его? Ведь ему же говорил переводчик, — отец ее сослан советской властью, а мать взяла вторым мужем тайного агента гестапо...

Офицер всегда доверял Нине, но она ненавидела и его и свою мать, изменившую Родине. Она просто умела скрывать свои чувства. А ей было всего шестнадцать лет!

Комсомолка Нина и с приходом немцев не изменила своих взглядов. Каждый советский человек был дорог ей, как и вообще все советское, говорившее, что это — она, Родина, воспитавшая и вырастившая ее. Вот почему так заботливо, как никто, она ухаживала за пленными ранеными красноармейцами в госпитале.

Нина любила свою родину и гордилась ею, как мать бывает горда героем сыном. Ей нравилось говорить „наша родина“ на уроках истории в школе, подчеркивая слово „наша“ в рассказах о подвигах русских богатырей, отбивавших нашествия чужеземцев на древнюю Русь. Нина понимала, что только Родине она обязана счастливой жизнью до июня сорок первого года, и теперь она была готова на все, чтобы вернуться вновь прекрасные денечки.

Нина хотела учиться на врача. Немцы ворвались в ее жизнь, разрушили лучшие мечты и планы юности. Она ненавидела их за это всей душой белорусской девушки. Она ненавидела их за то, что они мучают наших людей, которых она любила, за то, что они издеваются и смеются над всем тем, что Нина любила и уважала. Она ненавидела их — это был враг!

Нина не покорилась им. Она знала и верила — скоро вернутся назад бойцы в пилотках с красными звездочками, и немцы погибнут за свои злодеяния. И Нина боролась.

Нина брала пример с того, кто в трудные годы богатырем сражался за советскую власть, грудью защищал молодую Советскую Республику. Павка Корчагин всегда был ее любимым героем. Она часто вспоминала его и хотела быть такою, как он. Комсомольцы должны быть только такими, а она — комсомолка. Твердо уверенная в победе, Нина и в тяжелые дни отступления подбадривала своих друзей, вселяя и в них эту уверенность.

Такой была Нина, такой помнят ее все, кто знал. Она была смелой разведчицей и срызной партизанского отряда, хотя и жила дома. Лишь люди, находящиеся в лесу с начала войны, могут рассказать, с каким трудом доставались самые простые вещи, которые в мирное время не представляли почти никакой ценности. Да, Нина Меженная была отважной.

Я пишу — была. Нины сейчас нет — она погибла. Был августовский день, когда гитлеровцы приехали и арестовали ее. Находясь под охраной, Нина держалась твердо. Глаза блестели негодованием, в душе горела ненависть и презрение к фашистам. Нина, всегда веселая Нина, молчала. Она ничего не говорила.

Узнав страшную весть об аресте сестры, подбежал маленький братишка Нины. Он подскочил к фашисту и со злобой закричал:

— Раз ее, так и меня берите с собой, — и гордо добавил, — я тоже ходил в Осиповичи!..

Только прощаясь, Нина обвела взглядом столпившихся людей и негромко, но твердо сказала:

— Прощайте товарищи... Пусть мы погибнем, но все равно им здесь не быть!

У каждого в груди закипел гнев и в душе родилось еще большее уважение к этой смелой девушке. Она стала для всех жителей местечка еще ближе и роднее, чем раньше. Все молчали, взглядами проважая ее. Быть может они видят ее в последний раз...

Нину повезли сначала в Свислочь, — потом в Осиповичи. Там началась пытка. Били очень сильно. Били с выдержкой, с тактом, с немецкой точностью, выбирая самые больные места. Били так, как умеют бить и издеваться над беззащитным человеком только фашисты. Чудовищным ударом ей выбили глаз и на юном, еще недавно красивом

лице осталась зияющая рана, из которой обильно лилась кровь. Затем выломали руки и ноги. Беззащитное полуживое тело резали, кололи, жгли, но человек не сдавался. А палач все еще добивался признания.

Мучительно ныло тело, сознание помутилось, но Гина говорила только о себе, рассказывать же о своих товарищах она отказалась и нечеловеческая пытка не сломила девушку-комсомолку. Душа благородной дочери белорусского народа не покорилась перед врагом. Она не пресила у него пощады—она его ненавидела. Обессиленная мучительной пыткой, растерзанная, придя в сознание и чувствуя близкий конец своей жизни, Нина собрала последние силы и твердо прошептала:

—Всеравно фашизму у нас...в России...не быть.

Так встретила смерть верная дочь советского народа,—патриотка, до конца преданная своей Родине. Она погибла, как умирает в неравной схватке с врагом русский солдат, который считает—лучше смерть, чем позор фашистского плена и надругания врага над его погонами с пятиконечной звездой.

Дорогая Нина! Память о тебе будет жить вечно в наших сердцах. Ты не дожидаясь до тех счастливых и радостных дней, которых хотела дождаться, но те, что будут жить, вновь наслаждаясь мирным покоем счастливых лет, каждый раз, с любовью и уважением будут вспоминать твое имя.

Твоя смерть—бессмертие!

Июнь 1943 г.

О Т О М С Т И !

Мсти за муки и за стоны,
Что фашист принес,
С рельс спуская эшелоны
Вражьих под откос.

Мсти за спаленные хаты
Городов и сел,
Пусть немецкие солдаты
Мин взрывают тол.

Мсти за вытоптанные нивы,
Разоренный край,
Чтоб считал фашист паршивый
Ад небес за рай.

Мсти за смерть любимых братьев,
За погибших кровь.
Ты огонь своих проклятий
Немцу приготовь!

Юный мститель, за страдания
Только крепко мсти,
Чтоб в последний час квитанья
Враг не мог уйти.

Будь в священной мести грозен
И жесток в бою
Отомсти в стократной дозе
Скорбь души твою.

За поруганную землю,
Родины простор,
Голос мести я поднимаю—
Гнева приговор.

Враг ответ за наши слезы
Должен понести!
За погибших вдоль Березы—
Немцу отомсти!

Июнь 1943 г.

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Командир роты вызвал его и сказал:

—Подготовить 9 человек на задание,—и объяснил Трубищину маршрут и род боевой операции.

Майское утро приятно и тихо. Весенняя грязь уже подсохла, деревья оделись молодой листвой. Утопанные множеством ног дорожки между землянок, посыпанные крупнозернистым песком, резко выделялись своей желтизной среди темнозеленого мха. Бесеннее солнце манило к себе, и хотелось, как раньше, в мирные годы, пойти загорать к речке. Высокие ветвистые сосны шумели, качаясь от ветра.

Собирались недолго, все уже итак было готово. Митя А. и Миша Г.—пулеметный расчет, любители своего дела, еще раз проверили „машину РИД“,—как они называют ручной пулемет, и перезарядили диски. Подрывник Борис Д. был готов в дорогу раньше всех. Закончив наматывать шнур он уверял, что им даже паровоз с рельс стащить можно. Сразу же тронулись в путь. Дорога была длинная.

Эх, стежки-дорожки! Сколько вас вытоптано партизанской ногой там, где раньше бродили лишь звери, и сколько еще новых, скрытых от вражеского глаза тропинок, покроет землю прежде, чем снова на ней наступит мир.

Шли все время цепочкой, по лесу, пересекая ручьи и овражки, полянки и труднопроходимый гушар.

Было лишь около 3-х часов дня, когда после дальнего перехода партизаны подошли к железной дороге. Ее нельзя было видеть из-за густоты молодого сосенника. Каждый только догадывался и чувствовал, что она рядом.

Вокруг тишина. Казалось, вся природа подготовилась и ждала чего-то. Перекликались птички, звенели назойливо комары, да далеко-далеко в стороне были слышны глухие удары металла о металл. Вероятно, чинили путь, растаскивая с него обломки железнодорожных составов, разбитых в прошедшую ночь во время крушений от партизанских взрывов. Кругом ни души, но за триста

метров сидят немцы в дзотах, из которых они почти не вылазят. Хруст под ногами каждой сухой веточки больно отдавался в ушах. Сердце учащенно билось в томном ожидании будущего. Одно солнце все так же светило с чистого голубого неба.

Здесь разделились. Дальше пошли только трое, а остальные из группы, подтягиваясь за ними, стали располагаться сзади.

Ползли долго, утопая во влажном мху, от одного укрытия к другому. Когда осталось метров 150, остановились. Впереди ровное болото без кустов и кочек. Насыпь уже хорошо видна.

Покачиваясь ходил долговязый немец. Стуча по шпалам подковами своих каблучков, он ступал неуклюже, как корова ходит, вздымая копыта по деревянному настилу. Желание выстрелить в эту хорошую мишень было так велико, что руки сами тянулись нажать на спуск, но каждый себя сдерживал, стгоняя прочь заманчивую мысль.

Все трое лежали рядом, тихо перешептываясь. Борис Д. говорил, кивая головой в сторону немца:

—Смотри, как фриц долговязый качается. Устроим мы ему могилу под этим мостиком. Дадим перцу. А ведь он и не знает, что партизаны рядом и смерть так близка.

Немец обернулся в сторону партизан, как будто услышав этот шопот. Все в тревоге еще плотнее прижались к земле, родной земле, которая столько раз спасала в минуту опасности. Одежда давно уже была мокрой, но никто даже не шелохнулся. Множество мыслей пронеслось в этот миг в голове каждого.

—Неужели заметил? Теперь все пропало...

Но вдруг, вместо выстрела, раздались звуки губной гармошки. Это было так неожиданно, что возглас удивления чуть не вырвался сквозь плотно сжатые губы.

Немец играет! Долговязый решил сыграть вальс перед своей кончиной. Он стоял на мостике и старательно дул, важно двигая округлившимися полушариями щек. Трудно найти и нечасто бывают такие концерты. Немец так и не узнал, что из болота за ним жадно следили три пары глаз не совсем обычных для него слушателей.

Фриц играл недолго. Когда он ушел, то заряд был подложен в пару минут. Один, второй, третий рывок вперед и взрывчатка уже под рельсой.

Взрыв произошел в предвечерние часы сумерек. Столб дыма и пламени полыхнул в небо. Расколов тишину, во все стороны на целые километры понеслись вдаль звуки эха, вливая в сердца советских патриотов восторженное чувство радости. Свистящие куски металла взметнулись в воздух, свирепо воя. Скрежет, звуки ломающихся вагонов, шипение пара из разбитого паровоза, стоны раненых, но еще не добитых фашистов, треск лопающейся стали—все перемешалось в одном общем грохоте взрыва, после которого раздались еще два более сильных. Это рвались цистерны с горючим.

Около трехсот гитлеровцев нашли себе могилу на пути у мостика от рук народных мстителей. Паровоз и две цистерны с горючим были разрушены полностью.

В боевом счету Бориса Д. прибавился еще один вражеский эшелон, а сейчас их у него уже одиннадцать. Вот скупой итог одной боевой операции.

Когда ж на следующее утро в голубом небе вновь беззаботно улыбалось солнце, смелые диверсанты были уже в родном лесу, на своей базе.

Все так же желтели среди темно зеленого мха утопанные множеством ног дорожки. Хлопцы весело улыбались встречающим их друзьям, показывая жестами, как летели под откос фрицы.

Трубицын подошел к командиру роты и доложил:

—Товарищ командир, боевое задание выполнено!

Командир ответил, улыбнувшись:

—Молодцы, знаю, мы здесь уже слышали...

Так народные мстители мстят ненавистному врагу за горе своего народа, за его страдания, слезы и кровь, платя поганой фашистской кровью.

„Кто пришел к нам с мечом, от меча и погибнет“.

Июль 1943 г.

ГРОЗНЫЙ ЧАС НАСТАЛ

Грозный час настал с врагом расплаты,
Тверже шаг, решительнее взгляд,
В смертный бой, бесстрашные солдаты,
Враг дрожит и катится назад!

Нас сражаться партия послала,
Мстить проклятым за родной народ,
Нас на бой отчизна вдохновляла,
И теперь она зовет вперед.

Он настал, и нету вам пощады,
Нас идет неустрашимых гать,
Мы берем штурмуя все преграды,
Враг ничем не может задержать!

Пусть дрожит предатель и изменник,
Не уйдет от кары страшной он,
Не вставай напрасно на колени,
Погубивший тысячи шпион.

Страшен гнев народного мщенья,
Гром, сигнал расплаты, прогремел,
За злодейства нету вам прощенья,
Вспомним вам всю подлость ваших-дел.

Грозный час настал с врагом расплаты,
Тверже шаг, решительнее взгляд,
В смертный бой, бесстрашные солдаты,
Враг дрожит и катится назад!

Сентябрь 1943 г.

ГНЕВ ПРИЗЫВАЕТ К МЩЕНИЮ

Гнев.

Сколько силы таится за этим словом, сколько мозолистых от работы рук, сжимающих смертоносное для врага оружие, подымается сразу из-за каждой строки, когда его пишешь. Сколько бесстрашных русских воинов бессмертных своей славой вспоминаешь произнося его.

Гнев моего народа—это стень в сердце тех пожаров, на которых жгли немцы мирных селян, это высушенные горем слезы на простом русском лице за замученных, расстрелянных и повешенных братьев, за невинную кровь погибших; это упрямо нахмуренные брови и закушенные до крови губы матери над убитым немцами ребенком. Это глубочайшее презрение и беспредельная ненависть к людям, которые были когда-то русскими, а теперь продались немцу.

Гнев—это месть!

Страшна сила гнева тому, кто ее в звал. От нее не спасут ни броня „Тигр“, ни бетон дота, ни огонь „Фердинанда“, ни расстояние, ни время. Только пуля, пущенная в сердце собственной рукой, да могила при дороге на чужбине с похосившимся крестом из пары березовых палок, могут спрятать от этой силы того, против кого она направлена.

Если ты русский—в тебе никогда не должно погаснуть пламя священной мести за страдания, принесенные немцами советским людям и ты должен мстить врагу до полной расплаты за совершенные им подлости. Гнев за слезы и горести своего народа призывает к мщению.

Держишь ли ты простую русскую гранату, норжавевшую от влаги и времени, потому, что она была закопана тобой еще при отступлении, или автоматическое оружие новейшей конструкции, блистающее свежим фабричным лаком,—это оружие твоей родины, из ее руды, изготовленное на ее заводах руками преданных ей людей. Она вскормила и вырастила нас. Это она послала нас в битву мстителями...

Я видел, как одна женщина плакала на пепелище сгоревшей хаты. От всей деревни тут и там остались лишь груды обгорелого кирпича и несколько уцелевших заборов. Полгода назад, здесь была большая деревня Маковье. Большую часть населения немцы сожгли в сарае, облив бензином, а остальные разбрелись по соседним деревням. Женщина перестала рыдать, не замечая, что один из ее валенок попал в первую весеннюю лужу, хотя слезы не прекращали катиться по ее рано состарившимся щекам. На мой немой вопрос, она обернулась ко мне и безутешная в своем горе сказала:

—Всех... всех убили, сыночек... Как же жить дальше? Неужели все так и сойдет им?..

Не помню, что я ответил этой сгорбленной страдающей белорусской женщине, но почему-то вспомнилась своя мать и стало обидно и грустно.

Он ответит, враг, за твои страдания. Враг понесет кару за пролитые слезы. Этой карой будет его гибель!

Никогда не забыть мне труп мужчины лет 56 из деревни Брицаловичи, на который мы наткнулись гуснею. Кругом зеленела трава, а он лежал на земле в галсуках и зимней шапке ушанке с темными пятнами на лице и почерневшим носом. Скрюченные пальцы рук, поднятых над головой, тоже черные от начавшегося разложения, и естественно вздувшиеся, еще сжимали пучок табаку. Его застрелили немцы, бросив труп. Прошло много месяцев, но его было некому похоронить. Когда-то зимой и летом хорошо проезженная дорога, стала совсем пустыней, поросла первой молодой травой. Немцы сожгли деревню и уничтожили около 400 человек жителей. Теперь по ней некому ездить.

Солнце закроет черная жмазь, и пойдет дождь, если пересчитать все варварства немецких иродов. Но кровь не стынет в жилах от творимых врагом ужасов. Она пульсирует с удвоенной энергией. Мускулы сжимаются, кулаки становятся твердыми, как камень. Сердце поюк одает гнев, а не ужас перед немецкими злодеяниями, гнев призывает к мщению.

В деревне Ляды, Червеньского района Минской области, немцы схватили 95 летнего старика и, жестоко избивая, потащили его к колодезю, в котором уже лежало много трупов расстрелянных и замученных жителей. Дряхлый

старик не мог сопротивляться здоровенным фридам. Когда он увидел, что ведут к месту казни, по его щекам потекли слезы. Старческая рука размазала их по лицу, и неожиданно дед запел слова песни о Родине, которая этому строму человеку дала возможность счастливо пожить:

—Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет...

Палачи настолько были изумлены, что даже остановились, а он продолжал петь. Только новый град побоев заглушил песню и заставил старика замолчать.

Немец—это твоя смерть! Фашист твой враг, и если ты будешь воевать плохо и не убьешь немца—сам станешь его жертвой. Убей врага, чтобы спасти свою жизнь! Горе тому малодушному русскому, сердце которого не кипит гневом, видя злодеяния фашиста. Он сам копает себе могилу не подозревая этого.

Сила мести и гнева русского народа к врагам всегда побеждала. В решающей битве за счастливую будущность победа будет за нами. Огонь будущей победы горит впереди путеводной звездой, яркая, рубиновая, никогда не меркнущая, пятиконечная звезда. Кто ласкает в сердце ее лучи, его дорога всегда будет правильной. У всех людей, идущих под этой звездой, один путь—путь мщения!

Тебя Родина назвала мстителем, и ты должен отомстить за страдания своего народа! Иначе быть не может. Гнев призывает к мщению!

Май 1943 г.

КОМСОМОЛ

Комсомол—это роты бойцов
За Днестром развивающих бой,
Вставших в строй по завету отцов,
И из них каждый воин, герой!
Комсомолец—кто первый из всех
Ворвался, выбив немцев, в окоп
И фашистские „тигры“ презрев,
Что идут атакующим в лоб,
Вдохновляет на подвиг друзей,
Вновь зовет за собою вперед,
Призывая отрывисто: „Бей!
Храбрых пуля в бою не берет!“
Комсомолец—кто в ночь на пути
Подрывает врага паравоз,
Чтоб не мог гад от мести уйти,
Отступая ничто не увез.
Комсомолец—кто в нашем тылу
Ежечасно оружие кует,
Чтоб на фронте им бить немчуру,
Продвигаясь на запад вперед,
Комсомол—это гордость страны,
Юность партии, символ побед,
Комсомол—это молодежь, мы,
И другого подобного нет.

Октябрь 1943 г.

ПРОЧИТАЛ—ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ.

189

1250

Типография газеты „За Советскую Родину“.